

Полярная Антология

2010

Кирилл Кобрин

НОРДИАЛИЗМ

*Как саранча, неисчислимы
И ненасытны, как она,
Нездешней силою хранимы,
Идут на север племена.*

Владимир Соловьев

*О*дним из самых комичных событий 2008 года стало окончательное оформление феномена, который условно назовем «арктической риторикой». Чем сильнее набухал пузырь нефтяных цен, тем лихорадочнее и безответственнее велись разговоры о каких-то особых правах на Арктику, о неизбежности схватки великих и невеликих держав за полярные льды; географы, полярники, публичные болтуны всех сортов потирали руки в ожидании наплыва капитала самого разнообразного свойства — от «символического» до совсем банального, оттягивающего карман. Благодетельная нефть должна была пролиться золотым дождем на скованные вечным льдом пространства «Циркумпольяндии» — даже словечко специальное придумали: время «дискурсов» с «симулякрами» кончилось,

пришла другая эпоха, другие слова. По звучности и бессмысленности она «Циркумпольдия» может соревноваться разве что со старой французской «Цизальпинской республикой» — все те же покушения на высокий латинский имперский стиль, покушения с теми же негодными средствами.

Забавно, что разговоры эти не прекратились и тогда, когда стрелка мирового нефтеметра побежала назад — за сто, за пятьдесят, за сорок, Бог знает за сколько еще. Это значит, что дело не только в легких деньгах, которые собирались освоить некоторые научные, военные, коммерческие и пропагандистские институции. Что-то кроме — и даже помимо — корыстного интереса за «арктической риторикой» есть. По крайней мере, в России. Нижеследующий текст представляет собой слабую попытку хотя бы отдаленно понять, что именно.

В 1936 году в СССР было написано два важных поэтических текста, с анализа которых я и хочу приступить к нашему рассуждению. Вот начало первого из них, знакомое любому советскому человеку:

Широка страна моя родная!
Много в ней лесов, полей и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.

Василий Лебедев-Кумач, «Песня о родине», написанная для кинофильма «Цирк». А вот другая цитата:

В воротах Азии, среди лесов дремучих,
Где сосны древние стоят, купая в тучах
Свои закованные холодом верхи;
Где волка валит с ног дыханием пурги...

Это начало стихотворения, а в середине читаем:

В воротах Азии, в объятиях метели,
Где сосны в шубах и в тулупах ели, —
Несметные богатства затая,
Лежит в сугробах родина моя.

Николай Заболоцкий, стихотворение «Север». Написано в связи с челюскинской эпопеей.

Привожу цитаты вовсе не из-за литературоведческого интереса; с этой точки зрения все ясно: пе-

ред нами — искусный идеологический продукт и гениальное стихотворение (тоже на пропагандистскую тему), стихотворение, в котором эстетическое, являясь, так сказать, «побочным эффектом», стало главным, вытеснив идеологию, челюскинцев и прочее. «Сосны в шубах» явно заслоняют здесь подвиги советских полярников. Но вот если вести историко-культурный разговор, то ясно далеко не все, и в этом стоит разобраться.

Что объединяет творения Лебедева-Кумача и Заболоцкого? Это — гимны простору, пустому пространству, где человек *не живет, а появляется*, то ли в качестве покорителя (как у Заболоцкого), то ли как уже хозяин, который просто прогуливается по ней, *проходит*:

Человек проходит как хозяин
Необъятной Родины своей.

Главная характеристика этого пространства не только «пустота», но и безграничность, необъятность, отсутствие пределов. Соответственно, «покорению» подлежит не некая территория, на которой живут люди, не страны, иными словами — не Культура (с большой буквы), а Природа (тоже с

большой). И это несмотря на то, что в стихотворении Заболоцкого есть замечательное описание жителей замерзших заполярных широт:

Где люди с ледяными бородами,
Надев на голову конический треух,
Сидят в санях и длинными столбами
Пускают изо рта оледенелый дух.

Заметим, что эти удивительные существа с ледяными бородами вовсе не являются объектом подчинения, они для поэта — своего рода довесок, приправа к ледяной пустыне, которую покоряют советские полярники:

И вся природа мертвыми руками
Простерлась к ним, но, брошенная вспять,
Горой отчаянья легла над берегами
И не посмела головы поднять.

Итак, Природа, явленная как ледяная пустыня. Перед нами, конечно, не только настоящий, физический Север — это развитие двух знаменитых цитат из конца русского XIX века. Первая принадлежит Константину Леонтьеву: «Рос-

сия подгнила, надобно бы ее подморозить, чтобы не воняла». Вторая — Константину Победоносцеву, тому самому, который, по Блоку, над Россией простер «совиные крыла». Высказывание Победоносцева звучит так: «Россия — ледяная пустыня, по которой гуляет лихой человек». Конечно, слова «заморозка», «лед» и «Россия» сочетались в политической и исторической публицистике (русской и иностранной) и до этих двух авторов, но после них они уже окончательно составили мощную треугольную конструкцию, которая выскакивает в сознании почти каждый раз, когда речь идет о России (причем неважно — в автоописании или с точки зрения внешнего наблюдателя).

Другое важнейшее понятие при описании России — «империя». В этом смысле, казалось бы, Россия мало отличается от Британии или Франции, от Римской империи или Византии. Но это только на первый взгляд. Россия прошла период активной территориальной экспансии с XVI (или XVII) века до середины XX-го, но назвать эту экспансию «колониальной» можно только с большой натяжкой. Конечно, кавказские войны или присоединение Средней Азии были типичными колониальными войнами, однако если мы взглянем на карту, то расши-

рение России на юг выглядит довольно скромным по сравнению с ее покорением востока и — конечно же — севера. Собственно, русская территориальная экспансия была, прежде всего, «освоением земель», а уже потом «захватом государств» и «покорением народов». И главным объектом этой экспансии были *не люди, а пространство*. Это и есть образ Победоносцева: «ледяная пустыня, по которой гуляет лихой человек». Неважно, что заставило лихого человека-покорителя пространства «гулять» по этой пустыне, — то ли его послали туда купцы Строгановы, как Ермака, то ли нужда, рабство или преследования толкнули искать «воли» в далекие края, то ли государство направило, как челюскинцев.

Захват и освоение новых территорий всегда считались признаком как империализма, так и колониализма. Два этих понятия чаще всего смешивают — между тем, может существовать и колониализм без империализма (достаточно вспомнить древнегреческие колонии), и империализм без колониализма. «Колониализм» — это целенаправленная прагматическая политика захвата и эксплуатации территорий и подчинения тамошнего населения. Он имеет отношение к обоим объектам своего действия — и к чужой территории, и к ее жителям. Даже когда по-